

Первая исповедь

Рассказ

Вечерняя служба закончилась, и прихожане стали собираться домой. Но не все. Кое-кто остался. В их числе была и семилетняя Маша, которая пришла на службу вместе с мамой и папой. Через несколько минут из алтаря через дьяконскую дверь вышел батюшка и пригласил всех на исповедь.

Машу это тоже касалось. В прошлом месяце ей исполнилось семь лет, и теперь она не могла просто так, без исповеди, подойти к чаше со Святыми Дарами. Конечно, дома её уже давно готовили к этому шагу, мама даже читала вместе с ней книгу «Детская исповедь», но одно дело читать книжки и совсем другое - стать у аналоя и всё рассказать батюшке.

У Маши была с собой шпаргалка - маленькая записочка со списком грехов. Непросто ей дался этот списочек. «Там, - думала она накануне, сидя за столом, - самое главное - выглядеть серьёзно и строго. Пусть батюшка видит, что я уже взрослая, вот, пришла исповедоваться. И говорить надо спокойно, не торопиться... А что говорить-то? Какие у меня грехи? Надо подумать. Вот вру, например. Вчера бабушку обманула: варенье таскала из банки, а когда бабушка заметила, сказала, что и не открывала буфет. Опять же, раз варенье без спроса взяла, значит - воровала? Так, что ли? Это что же, варенья - одна ложечка, а греха целых два получается? Ну хорошо, а вот Ваську ударила на перемене. Вообще-то он сам виноват, обзывался Машкой-промокашкой, за дело получил. Или всё-таки грех? Наверное, грех. Вот если бы я его не била, а просто тоже обзвалась в ответ, тогда и греха не было бы... А ещё на столе не убралась, хотя мама просила убратся. Два дня уж прошло. Это что, лень получается? Или нет?»

Маша на всякий случай заглянула в «Детскую исповедь». Ещё раз пересмотрела советы авторов – не забыла ли она чего-нибудь важного? Заметила, что рядом лежала мамина книга – тоненькая брошюрка под названием «Что говорить священнику на исповеди». Девочка заглянула и туда, но там многое было непонятно: мшелоимство, сутяжничество... что это за грехи такие?! Она и слов-то таких никогда не слышала. В её «Детской исповеди» их не было.

«Жадничаю ещё, - продолжала она свой список. - Вчера брату не дала краски. Но хотя как же можно ему их давать, если он всё портит?! Мягкого зайца всего растрепал, от паровозика вагончики потерял, а краски такие новенькие, красивенькие, я и сама-то всего

два раза ими рисовала. Ладно, запишу «жадность», а то и список-то совсем маленький получается, а надо побольше, чтоб было видно, как я готовилась.

Что же ещё написать? То, что маму не слушаюсь, отговариваюсь? Хотя, нет, всего этого я писать не буду, а то обо мне батюшка плохо подумает. Он же у нас такой добрый, всегда улыбается, здороваётся приветливо. Напишу лучше так - и она подглядела в своей книжке – «невнимательно отношусь к маминым просьбам». Красиво получается, по-взрослому.

А вот вчера над Галькой смеялась: она в новом костюме пришла, а потом в нём как-а-ак упала в лужу! Прямо у всех на виду. Хотя, конечно, она сама виновата: нечего было важничать перед классом. Это на ней грех тщеславия, вот её Боженька и наказал. Но всё равно с моей стороны это злорадство получается – не надо было смеяться при всех. И с девочками не надо было это потом обсуждать, а то выходит, вроде как я сплетничаю. Но мы же ничего не выдумывали! Галька довоображалась и упала прямо в грязь - это правда, какие же это сплетни?! Нет, про сплетни тоже писать не буду. Что же ещё... Вот тройку по чтению получила - это грех? Пожалуй, грех. Мама очень огорчилась, да и я сама тоже. Впрочем, это всего лишь по чтению, не по математике же. К тому же я на следующем уроке всё исправила...»

Список вышел совсем небольшой. Маша аккуратно сложила лист бумаги и убрала его в карман платья, чтобы не потерять. В церкви этот листок придавал девочке уверенность: она чувствовала себя подготовленной и ждала с нетерпением, когда же начнётся исповедь. Во время службы Маша несколько раз доставала заветную шпаргалку и внимательно её перечитывала. Она несколько раз проговорила про себя, в чём будет исповедоваться. Ей хотелось, чтобы все увидели, что она уже взрослая и самостоятельная.

Батюшка прочитал молитву, и к аналою потянулись исповедники. В храме стало очень тихо, только на клиросе певчие разучивали новый глас. Маша ещё раз перечитала свой списочек, такой аккуратный, заботливо очищенный ею от таких слов, как «ложь», «жадность», «осуждение». Потом начала рассматривать исповедников: к батюшке все они шли, как ей казалось, хмурые, суровые, а от него отходили с просветлевшими лицами, иногда даже со слезами, но успокоенные. Мама стояла рядом и неслышно молилась одними губами. Людей было много, но батюшка обернулся к Маше и жестом руки позвал её к себе. Мама легонько погладила Машу по спине, и девочка подошла к аналою. Украдкой она оглянулась посмотреть, обратили ли на неё внимание.

- Уже совсем взрослая, - улыбнулся ей батюшка. - Ну, давай свой списочек.

Маша подала сложенный листок. Священник прочитал его, улыбнулся в седую бороду и так трогательно, так по-доброму посмотрел Маше в глаза, что у неё ком подступил к горлу.

- Батюшка, - шёпотом спросила Маша, - а вы меня ругать не будете за эти грехи?

- Да как же тебя ругать, если ты сама пришла и покаялась, - ответил священник, - да и не могу я тебя ругать, ты же перед Богом исповедуешься.

- А Бог меня простит?

- Конечно, простит, - ещё добрее улыбнулся батюшка. - Бог тебя очень любит. Он за тебя на Крест взошёл и мученическую смерть принял. Он все людские грехи искупил.

Маша посмотрела на крест и Евангелие, лежащие на аналое, и вдруг неожиданно для себя самой расплакалась. Ей стало очень стыдно за свой «список». Она рассказала батюшке всё - и что маму не слушается, и что и бабушке перечит, и что братику игрушки не даёт, и что Гальке завидует, и даже то, что грехи не хотела на исповеди полностью рассказывать. Батюшка слушал внимательно, тихонько кивал, а потом накрыл Машину голову епитрахилью, сверху положил свои ладони и прочитал короткую молитву. И сразу Маше стало тепло, будто спряталась она от всех ветров и всех зол в уютном доме, где светло, уютно, спокойно...

Когда Маша с мамой и папой выходили из церкви, начинало темнеть. Втроём они тихо дошли до дома, поужинали и стали готовиться ко сну. Уже в постели, после вечерних молитв, Маша обняла маму и пообещала, что никогда больше грешить не будет. «Господь целует намерения, - ответила мама. – Спи, моя хорошая, спокойной ночи!»

Анастасия Фролкина